

П.А. Кротов. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 312 с., ил.

Военная кампания 1702 г. не только открыла череду побед русского оружия в Северной войне, но и позволила реализовать её основные цели – возвращение России земель, ранее захваченных Швецией, основание морского порта и будущей столицы на Балтике. Роль Петра Великого как стратега данной кампании и задуманный им план скрытного выхода к Нотебургу и захвата этой ключевой крепости на Неве по существу не становились предметом специального исследования. Труд П.А. Кротова восполняет этот историографический пробел.

Исследование построено в форме 12 очерков. Первые 3 очерка носят вводный характер, в них излагается стратегический план военной кампании 1702 г., значение в нём Осударевой дороги, историография этого сюжета. 6 последующих очерков повествуют об истории строительства дороги и «государева шествия» по ней. Наконец, 3 заключительных очерка посвящены итогам военной кампании 1702 г. и основанию Санкт-Петербурга. В приложении к монографии опубликован ряд важных исторических источников. Книга написана прекрасным литературным языком и богато иллюстрирована.

Чрезвычайно большой вклад внёс учёный в расширение источниковой базы исследования. Он выявил комплекс из 40 документов (которые назвал «архивом Осударевой дороги»), включающий материалы, исходившие от Петра Великого, адмирала Ф.А. Головина, сержанта М.И. Щепотева и других гвардейцев, организовывавших строительство дороги, а также монастырских властей и поморов, участвовавших в нём. В монографии широко используются тексты двинских и соловецкой летописей, путешественников XIX в., фольклор поморов (в том числе и собранный П.А. Кротовым в его поездках

2008 г. и 2010 г.), гравюры начала XVIII в., результаты археологических исследований. Многие источники опубликованы либо в приложении, либо в качестве иллюстраций к монографии.

Комплекс материалов, в значительной части впервые вводимый в научный оборот, позволил учёному прийти к существенным выводам и наблюдениям. Прежде всего, он установил, что стратегической целью военной кампании 1702 г. было занятие Нотебурга и выход к Балтике, а действия генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева и ладожского воеводы П.М. Апраксина носили вспомогательный характер. Для реализации этого плана требовались как введение в заблуждение противника демонстративным походом царя с половиной гвардии далеко на север к Архангельску, так и последовавший за этим скрытный выход отборных боевых частей к театру военных действий, для чего и была сооружена Осударева дорога.

Эта дорога протяжённостью в 160 вёрст была построена в кратчайшие сроки – с 8 июня, когда было отдано распоряжение о её прокладке, по 15 июля. В августе по ней произошло «государево шествие» (передвижение Петра Великого с пятью гвардейскими батальонами) и, как доказал П.А. Кротов, осуществлён волок двух боевых кораблей. Скрытное выдвижение к Нотебургу позволило организовать его осаду с суши и со стороны Ладожского озера, а затем взять ключевую на Неве крепость «на акорд» (то есть по договору). Как справедливо полагает автор, следствием успеха кампании 1702 г. стало основание Санкт-Петербурга. Учёный не только установил эту связь, но и уделил внимание некоторым проблемам, связанным с его основанием – участию Петра I в заложении города, изучению

культов святых апостолов Андрея и Петра как символов новой столицы России.

По вопросу об участии Петра в заложении Петербурга в историографии существуют две точки зрения. Г. фон Гюйссен, Х. Геркен, Л. Эренмалъ в начале XVIII в. и П.Н. Крёкшин в середине столетия утверждали, что Пётр Великий лично присутствовал при закладке города. Однако П.Н. Петров в 1884 г. выяснил на основании журнала Бомбардирской роты Преображенского полка, что с 14 по 17 мая 1703 г. она находилась на Сяси и в Лодейном поле, поэтому, по его мнению, командир роты Пётр I при закладке Петербурга находиться не мог. В последующем эту точку зрения поддерживали Н.А. Энгельгард, П.О. Бобровский, В.В. Мавродин, Е.В. Анисимов и др. Между тем Кротов обнаружил документ, доказывающий, что 15 мая 1703 г. Пётр находился в Шлотбурге (рядом с будущим Петербургом). Отмечу, что ещё А.Ф. Бычков и С.Ф. Платонов показали, что Пётр I не пребывал постоянно с Бомбардирской ротой, поэтому её журнал не всегда позволяет проследить его передвижение. Кроме того, хорошо известен факт приёма 20 мая Петром I в Шлотбурге Литовского посольства. Совокупность этих фактов, на мой взгляд, неопровержимо доказывает, что Пётр Великий участвовал в закладке Санкт-Петербурга.

В своей монографии П.А. Кротов затронул ещё одну важную для изучения царствования Петра проблему – об отношении к его реформам народа. Вопрос этот вызывает острые дискуссии, основу для которых заложил сам царь. Великий преобразователь России демонстративно подчёркивал противоречие своих реформ московской старине, не раз писал о «тяготах» народа в годы Северной войны. Ссылаясь на эти высказывания Петра, П.Н. Милюков писал о «цене» реформ, якобы произошедшем сокращении населения России. Активно ведутся исследования протестов против реформ и полемике радикально настроенных учителей раскола против «царя-антихриста». Но если утверждения Милюкова о сокращении населения уже опровергнуты, то тема критики Петра раскольниками является

одной из излюбленных у либеральных историков.

Трасса Осударевой дороги проходила в Поморье, то есть в тех землях, где «старая вера» имела многочисленных сторонников. Само строительство дороги, содержание на ней почтовых станций, а затем волок двух кораблей весом более 100 тонн каждый требовали больших народных усилий, без которых весь замысел терял смысл. Кротов справедливо отмечает, что «царь и его окружение изначально рассчитывали, что воплощение столь важного стратегического плана должно было опираться на самое широкое содействие местных жителей» (с. 60). Учитывая, что на пути будущего «государева шествия» кое-где уже существовали местные просёлочные дороги, а волок судов был привычен для поморов, новое «государево тягло», возможно, могло быть и не очень отяготительным. Но нельзя забывать ещё о двух факторах: во-первых, эти масштабные работы проводились в краткие сроки, во-вторых, часть их пришлась на время уборки урожая, оттянув от сельскохозяйственных занятий подавляющее большинство мужчин и лошадей, из-за чего уже после «государева шествия» начался голод.

Несмотря на это, челобитные поморов начала XVIII в. свидетельствуют о том, что они восприняли эти «тяготы» как свой необходимый вклад в победу над шведами, служение государю и России. Никаких данных о влиянии на них учителей раскола не выявлено. Более того, в фольклоре поморов XIX–XXI вв. отразились положительные оценки Петра Великого и «генерала Щепотева», гордость за своих предков, участвовавших в их делах. Анализ взаимоотношений царя и гвардейцев с поморами привёл Кротова к выводу: «Эпопея Осударевой дороги 1702 г. – яркий пример успешного взаимодействия в национальных интересах центральной власти и местного населения» (с. 153).

Вместе с тем хотелось бы высказать отдельные замечания. Прежде всего не понятно, почему историк не привлёк к изучению работ по проведению Осударевой дороги и организации «государева шествия» материалы переписей конца XVII – начала XVIII в. Во-первых, они бы дали

массовый материал о поселениях, по которым проходила дорога, и их населении, позволили бы точно определить число людей, привлечённых к работам, реконструировать биографии поморов, наиболее активно помогавших царю (например, лоцманов). Во-вторых, усилили бы аргументы автора в пользу того, что никакой массовой смертности при проведении Осударевой дороги не было.

Не могу согласиться и с характеристикой П.А. Кротовым «Гистории Свейской войны». Этот фундаментальный труд он называет «пропагандистским», «призванным дать официальный взгляд на правление первого русского императора» (с. 45). Представляется обоснованной точка зрения на «Гисторию» известных учёных Н.Г. Устрялова, Д.Ф. Масловского, Л.Г. Бескровного, Л.В. Черепнина, С.Л. Пештича, Т.С. Майковой, А.А. Преображенского, С.Ю. Королёвой и других, доказавших, что этот труд – первое в России научное историческое исследование, основанное на источниковедческой критике всех важнейших документов по истории Северной войны. По личным указаниям Петра I в «Гисторию» помещались

многочисленные факты, которые противоречили какой-либо панегирической его направленности.

Сделанные замечания ни в коей мере не умаляют фундаментального значения работы, проделанной П.А. Кротовым. Рецензируемое исследование отличается научной новизной, содержит ряд крупных открытий в военной истории, истории Санкт-Петербурга и Поморья. Монография обладает большим практическим значением. Она может быть использована при преподавании общего курса истории России и спецкурсов на исторических факультетах вузов. Археологические, этнографические и фольклорные экспедиции П.А. Кротова и М.Ю. Данкова по трассе Осударевой дороги уже привлекли многих энтузиастов. Хотелось бы надеяться, что этим аспектом заинтересуется не только ректорат Санкт-Петербургского государственного университета, но и администрации Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Архангельской области в целях военно-патриотического воспитания молодёжи, развития исторического туризма и музейного дела.

М.О. Акишин

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О.Е. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с., ил.

Выход сборника научных статей о взаимоотношениях в XVIII столетии российского провинциального дворянства с властью и обществом открыл новые горизонты в изучении тематики, не относящейся на первый взгляд к магистральным направлениям развития исторической науки. Через него красной нитью проходит мысль, что история российской провинции должна рассматриваться как одна из центральных проблем современной историографии, а изучение дворянства с точки зрения региональной истории является весьма эффективным. Сборник составлен по материалам Международной научной конференции, организованной Германским историческим институтом в Москве. В нём опубликованы статьи специалистов

не только из различных регионов России, но также из Австрии, Германии и Канады. Одной из его особенностей является рассмотрение российских сюжетов в рамках подходов, с успехом развивающихся в зарубежной историографии последних десятилетий. При этом прослеживаются и синтез, и, иногда, интеллектуальное соперничество исследовательских приёмов российских и немецких коллег.

Открывается сборник программной вступительной статьёй О.Е. Глаголевой о методах изучения взаимоотношений дворянства, власти и общества в провинциальной России XVIII столетия¹. Исследовательница считает необходимым пересмотреть прошлое русского дворянства именно в контексте так называемой